

И снова зацветут колхозы

(От специального корреспондента «Правды»)

В этой живописной подмосковной местности, среди лесов и перелесков, на холмах и в долинах были расположены богатые колхозные села и деревни. Они славятся своими красивыми, благоустроенными домами, общественными зданиями, теплицами, где выращивались превосходные овощи, животноводческими фермами... Социалистические колхозники законно гордились плодами своего труда.

И вот по этим местам прошагала гитлеровская гвардия. Восемнадцать дней рыскал тут фашистский зверь. Солнечногорские колхозники никогда не забудут эти дни. Проходят годы, чернотомоком зарастут мотыли гитлеровских разбойников, но дети, внуки и правнуки солнечногорских колхозников будут помнить о страшных кошмарных днях немецкой оккупации, о чудовищных грабежах, зверствах кровавых фашистских собак.

— Как будто смерть какой прощесся над нашими деревнями... Это хуже чумы, — говорит колхозники и колхозницы, вспоминая о неслыханных злодеяниях немецких оккупантов. На месте копа-то красивых и богатых сел — руины, развалины. Многие десятилетия и деревень, тысячи крестьянских дворов сожжены, уничтожены немцами дотла. Отступая, фашисты предавали огню дома колхозников, общественные постройки, культурные учреждения. И если где что сохранилось, то только благодаря героическим усилиям колхозников. Они сумели отстоять часть домов, общественных, культурных учреждений.

Деревня Дурнино. Здесь насчитывалось около двухсот домов. Колхоз имел хорошие скотные дворы, конюшни. В деревне были замечательный клуб, большая школа, больница, чайная, пекарня, магазин сельхоз. Из одного дома не сохранилось в Дурнино. Все сожгли, взорвали фашистские банда.

Село Радумля. Из 128 домов здесь осталось только 13. Сожжены школа-детсады, клуб, животноводческие постройки, мастерские, теплицы... Полностью уничтожены фашистами деревни Дюжи и Ешипово. Только несколько домов сохранились в большой деревне Пешки. В колхозе «Рассвет» немцы не только сожгли все дома, но даже взорвали при отступлении все девять колодезь. О существовании в пелену прошлом многих и многих сел и деревень теперь напоминают лишь печные трубы да сохранившиеся палисадники и изгородь.

Фашистские разбойники, кичась своей «культурностью», опоганили, осквернили уцелевшие жилища колхозников, культурные учреждения. Представители «высшей расы» устроили в чудесном детском доме в деревне Берсеневка конюшню. В деревне Вертино они выломали двери, рамы окон, изрешетили узкими вывеску в избу-читальню. Варвары разорвали, изорвали книги. Мало слышать, с какой ненавистью и брезгливостью говорят колхозники и колхозницы о «культуре» вышних фашистских воля, «квартировавших» в избах колхозников.

Гитлеровские банда ограбили колхозники, отобрали у них продукты питания, одежду, обувь, белье, посуду. Даже детским игрушкам, елочным украшениям, разным тряпкам не гнушались мародеры. Бешеные звери не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин. В Шелепанове 12-летняя девочка, дочь колхозника, пошла отстоять маршеры свои валенки. За это ребенка расстреляли. Воспротивилась грабителям.

Вот что бы то ни стало в ответ решил храбрец. А немцы шли, блестя стальными лбами (Их гнал в атаку смертный перепой). Тогда он стиснул два конца зубами и принял бой, нервный, дерзкий бой. Его нашли, когда уже смеркалось. В руках — винтовка, поднятый прицел.

В зубах был провод. Связь не прерывалась. Вблизи валилась гряда вражеских тел. Он тихо умер.

Чуть назад отпрянув, Прижавшись к али и оледенев, Но на лице его спокойном и упрямом Не ужас был, а ненависть и гнев. Сергей ВАСИЛЬЕВ.

ЗАЩИТНИК МОСКВЫ

Оно приходит неожиданно — несчастье. В разгаре боя вдруг оборвалась, Оставив штаб обреченным от части, С большим трудом налаженная связь. Порвался провод и умолк запутан! А немцы — рядом. Немцы жмут как раз. — Восстановить, не медля ни минуты! — Сержанту Новикову отдан был приказ. И он пошел окольною тропой, Он понимал, что он не чародей, Но в этот час он был властитель боя, — была судьба людей. Он отыскал разрыв и поднял провод. Соединил отдельных два конца. Колочная, певучая, как овод, Шмыгнула пуля возле храбрца. И началось. Запело, засвистало.

1-я Московская мото-стрелковая Гвардейская дивизия.

Труп комсомолки-партизанки Татьяны, зверски замученной и повешенной гитлеровскими бандами в деревне Петришево, Верейского района, Московской области. Фото С. Струнникова.

— Жаль. А что сторега? — Кони илние огорели. Сказывают — оружие сторега... В 10 часов утра пришла офицеры. Старший из них по-русски спросил Татьяну: — Скажите, кто вы? — Скажите, где находится Сталин? — Сталин находится на своем посту, — отвечала Татьяна.

Продолжения допроса хозяйка дома не слышала — им велели выйти из комнаты и выслуши обратно, когда допрос был уже окончен. Из комманданты принесли часть татянинских вещей: жакет, брюки, чулки, Шапка, меховая куртка и валяные сапоги исчезли — их успели уже поглотить между собой унтер-офицеры. Тут же лежала ее любимая сумка и в ней — бутылки с хлебом, спички, патроны к нагану, сахар и соль.

Татьяну одели, и хозяйка помогала ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь Татьяну повесили оторванные у нее бутылки с бензином и лоску с надписью: «Партизанка». Так ее вывели на площадь, где стояла виселица. Место казни окружало десятеро конных отрядами нагого. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местных жителей было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришлось выгнать, а некоторые, приди и

— Ты чья будешь? — спросила она. — А вам зачем это? — Сама-то откуда? — Я из Москвы. — Родители есть? Девушка не ответила. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказала более и даже не встала, хотя ноги ее были отоморожены и не могли не причинять боли. Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная алыми врагами. Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу. Прасковья снова заговорила с девушкой: — Позавчера это ты была? — Я... Немцы сторега! — Нет.

В гор. Верей, освобожденном от фашистских оккупантов. Жители возвращаются в свои дома. Фото оператора Союзкинохроники А. Вальберга.

По следам отступающего врага

Преследочная дорога идет лесом. Хлопья снежной ваты на широких ветках елей. Все кругом покрыто слоем инея; теплые влажные полемкиши на раскрасневшихся от мороза лицах гвардейцев, пузова машин и шерсть лошадей.

На поляне, по сторонам дороги, то там, то сям вьется белый дымок из-под снежного покрывала: дома, сожженные отступавшими немцами в последние дни. Приходилось видеть сожженные деревни под Солнечногорском, под Клином, под Истрой: среди снега торчат, точно языки о возмездии, печи с трубами — разоренные домашние очаги, голые, без крова.

На этом участке фронта немцы отступили в два приема. Во второй половине декабря они отступили до рубежа реки Р. Здесь на некоторое время задержались, а сейчас вновь откатываются дальше, на запад, под натиском наших войск. Теперь гитлеровские банда применили новый, «универсально-новый» метод разрушения человеческого жилья. О нем рассказывают местные жители. Каждый дом немцы обкладывают соломой, в печку бросают ртутную гранату, дом поджигают. Результат — ровные четырехугольники развалин, покрытых сизым.

Кое-где среди развалин стоит изба, обложенная соломой: гитлеровцы не успели поджечь, им пришлось поспешить убраться. Деревня Демехово. Немцы ушли отсюда несколько часов назад. Она из крайних изб села. В комнате человек десять взрослых и 30—40 детей. Здесь собралось восемь семей, оставшихся без крова.

Возбужденные лица, взволнованные голоса, рассказывают наперебой об этих трех с лишним месяцах, прошедших, как кошмарный сон.

— Немцы все твердили: «Канут Москва, канут Ленинград». А мы не верили. Осенью наши бойцы, уходя, обещали: Москву отстоям, скоро вернемся. И вот вернулись... От немцев прятался, как от чумы: уходил в лес, нелегально жили с малыми детьми в потопленных сараях. Немцы грабили все пожиточное: порезали коров, овец, свиней, съели кур и гусей, разворовали домашние вещи колхозников. Некоторым деревням «повезло»: там немцы не стояли постом. Но и туда они нависались каждый день. Нам рассказывают:

— Придет человек десять и идут по-очередно из дома. Каждый берет, что ему понравится: один одежду, другой посуду, детские игрушки и то забирали... В одной деревне колхозница показывает

— Как стал немец жечь наши дома, мы побежали в соседнюю деревню Грязево, забившись все в сарай, ждем, что будет. Пришли и туда оккупанты, положили сарай. Кто успел, выбежал, а пятеро ребят живьем сгорели.

Так было в десятках деревень на этом участке фронта.

Кровный след выжиги немцы в народном сознании. И, думая вслух о пережитом, колхозники говорят о своем страстном желании все сделать для отмщения врагу, для разгрома его.

— Если б мне тысячу лет жить, — говорит колхозница, — и то бы никогда не побыла. Раньше случались, — первого гнета татя, — пять раз бригады зовут, и то не все выхлудит на работу. А теперь мы готовы хоть день и ночь работать в колхозе, хоть жизнь отдать, только бы его, немца, парализа, навегда уничтожить.

По дороге идут гвардейцы, прекрасно одеты и вооруженные. Разговаривают в белых маскироных халатах совершенно слепые со снежным фоном. Подходят ближе — выделаются обветренные здоровые лица. Група автоматчиков на лошадях. У одного лошадь без седла и уздайки: трофейная, брошенная немцами.

Немцы откатываются на запад, последние немцы, унесшие ноги из Московской области.

А. ЛЕОНТЬЕВ.

ГДЕ ПОБЫЛ ВРАГ

Уж далеко остались позади Можайские березовые чащи, И Вязьма — вот, за дымок голубой, И Белоруссия все чаще, чаще Прислушивается — далек ли бой?

От пелла, крови — страшен след врага, Где побыл враг, жилища очищайте, Скребите, мойте — сколько силы есть... Морозы подмосковные, крепчайте, Чтoб дух немецкий выморозить здесь.

Степан ЦИПАЧЕВ.

ТАНЯ

В первых числах декабря 1941 года в Петришево, близ города Верей, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-железничку, назвавшую себя Татьяной. То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Данные места за Голыцино и Сходней стали местами боев, Москва отбывала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником в тылу.

Вот тогда в Петришево кто-то перерезал все провода германского полевого телефона. Он пробрался к важному военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, второй держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил им нее и потом нагнулась, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой покричал к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось отодвинуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат вынул у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это — девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими, темными глазами и темными, стриженными, зачесанными наверх волосами.

Хозяйка дома было приказано выйти в кухню, но все-таки они слышали, как офицер задала Татьяне вопросы и как та быстро, без запинки отвечала: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет»; и как потом

в воздухе засвистали ремень, и как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, замурив глаза и заткнув уши.

Хозяйка насчитала двести ударов, но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос ее звучал глуше, чем прежде.

После допроса Татьяну повели в избу Василия Александровича Кузнецова. На ней уже не было ни валенок, ни шапки, ни теплой одежды. Она шла под ковром в одной сорочке и трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в дом, хозяйка при свете лампы увидела на полу у нее большое исленная-черное пятно и сапожки на ногах и руках. Руки девушки были связаны сазди веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями от нее хотели добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним был еще один солдат. Василий и Прасковья Кузнецовы, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кузнецов спустился с печи и положил было в калдушку с водой, но часовой отодвинул его. — Тоже хочешь палок? — злобно спросил он.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потесались над ней. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине палкой.

Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой вскинул винтовку наизготовку и велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти